

Есть у А. С. Пушкина пачка отдельных листов, объединённая под одной обложкой с названием “Table-talk” – “Застольные разговоры”. Вольно или невольно, этот приём взял за основу Юрий Коноплянников, выбрав для своих текстов именно эту блестящую пушкинскую форму записи. Но по общему объёму застольных разговоров, анекдотов, сценок и просто заметок, собранных воедино, книги Юрия можно рассматривать как единый кулуарный роман или своеобразную хронику жизни актёров и писателей нескольких поколений. Как описания кухни, в которой в лучшие для писателей годы варились все и вся: люди, события и даже мысли. Это был целый мир, довольно изолированный, малодоступный и тем более малопонятный обычному человеку – не писателю, не художнику и т. п. Не творцу. Мир этот оказался хрупким на поверку и в одночасье развалился или испарился, но Юрий Коноплянников успел зафиксировать многое. Не знаю уж – как, трудолюбиво ли и сосредоточенно-скрупулёзно делал записи все эти годы автор или по вдохновению и наитию, когда придётся, утром, вечером или ночами, трезвый или под хмельком, но, однажды начав, он через годы довёл их до конца, удержал главную интонацию своей книги: интерес к человеческой душе. Как мало в наше время произведений, обладающих этим свойством! Отгораживаясь, как в театре, ширмой от своих персонажей, предоставляя им произвольно высказываться, почти документально фиксируя происходящее, автор, таким образом, раскладывает всё смешное на некий спектр оттенков, сохраняя *уровень остроумия индивидуумов*. Рассматривать этот местами площадной юмор, которым пользуются его герои, эту иногда изысканно нарочитую пошлость и грубость, – рассматривать всё это надо как смесь лицедейства, юродствования, ёрничества, петрушничества, паясничанья, шутовства, скоморошества, то есть как некую русскую сборную солянку, в которой обязательно найдётся что-то смешное на любой вкус. Чтение получается выборочным, но весьма приятным: тут улыбнёшься, тут засмеёшься, а тут и вовсе перечтёшь сценку, как весьма остроумную. Когда-нибудь молодой драматург откроет книгу “Быль и небыль” и обнаружит, что и выдумывать ничего не надо: здесь полно материала для десяти пьес, драм и комедий. В нашей сегодняшней философской бесплодности давайте остановимся хотя бы на реставрации прошлого и человека, нам она предстоит, если верить русским мыслителям. Такова сверхзадача произведений Юрия Коноплянникова.

Как-то раз, очень давно, молодыми, мы сидели с Юрием Коноплянниковым на подмосковной даче, под елями, соснами и луной, под звёздами, со стаканами сухого вина. Пели ночные птицы. Мы говорили о пустяках, смеялись, Юрий уже тогда был прекрасным собеседником. Но как только я заговорил о литературе, он сразу же менял тему – как будто это было ему не очень близко, даже неинтересно. Да и весь его несколько официальный вид – в костюме советского покроя, в белой рубашке, при галстукке даже в кресле на даче – никак не наводил на мысль о будущем писателе. И, конечно же, я не мог догадаться, что уже в то время он чувствовал свою тему и методично отправлял в копилку своей памяти события и образы, создавая портретную галерею наших братьев по “цеху”.

Ведь без “Застольных разговоров” в актёрском и в писательском деле никак нельзя.

Сергей Акчури

БЫЛО — НЕ БЫЛО

Театральные миниатюры

* * *

Я, похоже, поистине был прирождённым артистом. До сих пор смеюсь, вспоминая, как мой сокурсник Владимир Полигин — его потом, к сожалению, отчислили — уговорил меня без репетиции сыграть этюд, в ходе которого я должен был вбежать в аудиторию и сообщить, что жена сына родила.

В связи с тем, что предложение поступило в коридоре, когда показывались готовые, отрепетированные работы, в которых я страстно играл то полярика, то тракториста, то председателя колхоза, стало быть, невзирая на установку знаменитого моего учителя, народного артиста СССР Иосифа Раевского — не выходить на сценическую площадку без репетиции, — я согласился выскочить с этой мимолётной фразой, придуманной Полигиным, надеясь, что пронесёт. Однако не пронесло. Я влетел и ляпнул:

— Жена мужа родила!

И я ещё долго потом переживал это обстоятельство, казня себя за то, что сказанул такое, пока внук великого Василия Качалова, известный на всю Россию-Азию-Европу театровед Алексей Барташевич не познакомил нас с трагедией Еврипида “Царь Эдип”, где царица Мeneвра действительно мужа себе родила.

Таким образом, оказалось, что моя оговорка произрастала из античной трагедии, что, конечно же, в корне меняло ситуацию с собственной оценкой моих профессиональных качеств.

* * *

Юрий Александрович Завадский имел однажды неосторожность по-разному поздравить двух своих блистательных актрис. И тут же получил за это: прочитав не только свою поздравительную открытку к 8 марта, но и Серафимы Бирман, Фаина Раневская выскочила на сцену, вопя:

— Где эта проститутка Завадский? Как Серафима — так *дорогая*, — потрясая открытками, негодовала она, — а как Фаина — так *уважаемая*?!

* * *

Вузовский театральный процесс интересен тем, что до того, как ступить на большую сцену, в большую жизнь, ты, наряду с обретением знаний (профессионального образования), получаешь практический опыт закулисных отношений в самой театральной среде.

Помимо сценических площадок в гитисовских аудиториях — малого и большого залов в институте, — имелся ещё и Учебный театр (он и сейчас имеется и находится там же: в Большом Гнездиловском переулке). На нас он производил царственное впечатление. Выступая на его подмостках, мы становились как бы уже московскими артистами. Тут было всё не понарошку, а как в настоящем производственном театральном коллективе. Здесь и премьеры от-

мечались так же, как у “маститых”. Помню “Прощание в июне” Александра Вампилова. Счастливый (я играл Гомиру – и хорошо, кстати, играл!), сижу я рядом с замечательной, очаровательной, прелестной – и это не перебор с эпитетами, так на самом деле и было! – Эдой Петровной Перовой, хореографом, преподавателем танца на нашем курсе. Собираюсь налить ей в рюмку водки. Она просит не делать этого, а я настаиваю. И потом только понимаю, что этого действительно не следовало делать. Выпив водки, Эда Петровна стала очень приподнятой и вдруг сказала мне, показывая в сторону художественного руководителя курса (на тот момент это был народный артист России Павел Осипович Хомский):

– А у Паши парик.

– Не может быть, – сомневаюсь я.

– Парик, парик, – смеётся она. – Хочешь, подойду и сдёрну?

– Не надо, – ужасаюсь я.

Но Эда Петровна стоит уже рядом с Хомским и пару раз чувствительно дёргает его за волосы. Оставив в полной растерянности, ничего не понимающего Хомского, она возвращается на место и сообщает мне шёпотом:

– Нет. Не парик!

* * *

Юрий Александрович Завадский, обидевшись за что-то на артистов, как утверждали злопыхатели, почти полгода не появлялся в театре. И тут вдруг на сдache – на предпоследнем прогоне нового спектакля по пьесе Валентина Азерникова “Возможны варианты” – он появился.

Когда в финале, по окончании прогона, в зале раздались аплодисменты, то и артисты на сцене тоже захлопали (и я, как студент ГИТИСа, ученик Павла Хомского, постановщика данного спектакля, также был в числе аплодирующих). А Ростислав Плятт, хлопая, приблизившись к рампе, жмурясь от света софитов и всматриваясь в зал, ища “дорогого Ю. А.”, не без юмора произнёс:

– Юрий Александрович, эти аплодисменты – знак восторга и приветствия в честь вашего появления в театре!

После чего Юрий Александрович Завадский, видимо, от избытка чувств ещё несколько месяцев благополучно не посещал своё детище – Театр имени Моссовета.

* * *

Как-то на днях в разговоре с Ириной Дитц, моей замечательной подругой ещё со студенческих времён, по-прежнему на сцене рвущей страсти, прошёлся я по коммерческой составляющей современного театра:

– Да народ-то в театр уже не ходит, – скептически заявил я. – Восемьдесят процентов населения – нищие люди!

Ирина достойно, с былым молодецким задором ответила мне:

– Ходят, – сказала она и объяснила, кто именно и почему: – Учительницы! Чтобы с ума не сойти.

* * *

В день похорон “серого кардинала” советской эпохи Сулова Михаила Андреевича, секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за идеологию в стране и в партии, в Калининском ТЮЗе шёл утренник – спектакль по сказке Самуила Маршак “Терем-теремок”.

Олег Фёдоров, артист и член КПСС, играл в нём Волка.

Когда траурная процессия на Красной площади у Кремля, которую показывали в комнате отдыха по телевизору, приблизилась к завершению, Фёдоров, будучи в костюме Волка и никак не ожидая, что за спиной может стоять и не игриво наблюдать за происходящим не кто-нибудь, а сам директор теа-

тра — Цыганов Анатолий Иванович, — торжественно спел, переделав их на свой лад, очень мелодичные строчки из песни, посвящённой закрытию XXII Олимпиады в Москве: “До свиданья, наш ласковый Миша! (Это он Суслову вслед! — Автор.) Отправляйся в свой сказочный мир!”

* * *

В кризисный момент, — а таковой был у Вахтанговского театра, как доверительно поведали мне когда-то друзья, студенты-“щукинцы”, когда его возглавлял Евгений Рубенович Симонов, — народному артисту СССР Николаю Олимповичу Гриценко, гениально сыгравшему Фёдора Протасова в “Живом труппе”, Вадима Рощина в “Хождении по мукам”, Александра Каренина в “Ане Карениной”, немецкого генерала в “Семнадцати мгновениях весны” и так далее, выпала неблагодарная роль... Он стал героем одного театрального анекдота, дискредитирующего режиссёрский талант Е. Р. Симонова.

У всех, к примеру, с любовницами было всё в порядке, а Николай Олимпович подбирал себе, как утверждали недруги, “по интеллекту”, — кассирш из магазина (он ведь, по их заверению, всего четыре класса окончил и нигде больше не учился, был шахтёром по профессии — самородок из Донбасса). И так ловко всё выходило: приводит, мол, Гриценко на очередную премьеру спектакля, поставленного Симоновым, очередную “сестру-милашку” из кассирш (Николай Олимпович якобы их сёстрами называл). А она, сестра-кассирша, после спектакля во время премьерного хвалебного застолья в адрес Симонова не выдерживает и просит слова:

— Можно и я скажу, — говорит “сестра”, волнуясь, — я вот, когда смотрела, все вокруг плевались и говорили про спектакль: “Ну, такое говно! Такое говно!”... А мне так понравилось!

* * *

В общежитии на Трифоновке жили не только гитисовцы. Два этажа арендовались там для отдельных студентов таких известных вузов страны, как Театральное училище имени Бориса Щукина и Художественное училище имени Василия Сурикова.

Африканец Тадес, гражданин Эфиопии, лет десять учился в Советском Союзе (естественно, в Суриковском художественном училище).

Очень хорошо обжился, освоил все советские традиции — особенно те, что связаны с выпивкой. Не терялся ни при каких обстоятельствах: женщин лёгкого поведения, которых приводил в общежитие, представлял как тётек... И прокатывало: консьержи и консьержки считали, что у африканца действительно проживают в СССР сёстры его родителей, регулярно навещающие племянника. Ни у кого даже мысли не возникало: почему же он чёрный, а тётушки — белые? Вот какое безрасовое общество было в СССР.

И когда некий бородатый господин с режиссёрского отделения Щукинского училища поставил “нашего африканца” в тупик хмельным вопросом: “Ты что, эфиоп твою мать, против советской власти имеешь?” — Тадес не растерялся и стал объяснять, что мы братья навек, потому что христианская религия зародилась сначала в Эфиопии, затем через Армению (хотя исторически, мы знаем, путь был иным — не через Армению, а от Византии. — Автор.) пришла в Россию. Ну, не терялся, словом, парень ни перед какой по-настоящему грозной ситуацией.

Трагедия явилась с совершенно неожиданной стороны, когда мы в морозный день пошли пить пиво возле ларька на Трифоновке. Я спросил Тадеса, который через несколько дней навсегда уезжал в свою страну, — он ехал принимать наследство капиталиста-отца: “А жигулёвское пиво у вас в Эфиопии имеется?” — “Нэт”, — ответил Тадес. “А водка?” — “Нэт”, — сказал Тадес, и у него на глазах навернулись слёзы. “Как же ты жить будешь?” — посочувствовал я, разбавляя пиво водкой, делая ерша для полировки. “Нэ знаю!” — всхлипнул и чуть не расплакался от отчаянья мой африканский друг.

* * *

В Одесском Театре юного зрителя в семидесятые годы прошлого века (при советской власти ещё!) работал дворником подпольный миллионер по имени дядя Вася. И все это знали: и что миллионер, и что подпольный. А зачем работал? Ну, работа, наверно, нужна была ему для отдушины и для прикрытия миллионов. И был в этом театре директор, по фамилии Мягкий Виктор Иванович – аферист, каких свет не видывал: квартирами торговал! Получал, скажем, театр бесплатно от государства квартиру, а директор приглашал по одному нуждающихся в ней из числа артистов или из обслуживающего персонала и вымогал за получение жилья деньги.

И вот как-то накануне, перед очередными льготами от государства по случаю празднования 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, пришёл к директору дядя Вася и подал бумагу на те самые привилегии, положенные ему как якобы участнику войны. Директор в неё, в эту бумагу, заглянул и пришёл в ужас, кинул дяде Васе назад его бумажку, зловеще шепча: “Спрячь и никому не показывай!” Бумага на самом деле подтверждала, что такой-то Василий свет Иванович или Степанович действительно служил в Румынской сигуранции (полиции), которая хозяйничала во время войны в Одессе.

На все случаи жизни, оказывается, хранил дядя Вася необходимые для каждого факта в отдельности документы.

* * *

Перед открытием только что построенного здания МХАТа на Тверском бульваре (год 1972) нас, студентов ГИТИСа, отправили в этот будущий храм искусства на субботник. Давид Григорьевич Ливнев, в ту пору доцент кафедры актёрского мастерства, руководивший нами, точно бригадир, пошутил по данному поводу:

– Вы войдёте в историю, – сказал Давид Григорьевич, подводя черту под окончание субботника.

– Какую? – удивились те из студентов, кто были рядом.

– Ну, как же?! – хихикнул наш доцент. – Вы выносили мусор из МХАТа!

* * *

В Учебном театре ГИТИСа в сезон 1973–1974 года выпускной курс Всеволода Порфирьевича Остальского с блеском играл комедию Алексея Толстого “Касатка”.

У студентки Татьяны Николаевой (ныне она – Татьяна Аркадьевна Савенкова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, руководитель Санкт-Петербургского Государственного детского драматического театра на Неве) почти совершенно не было никакого текста в этой незабываемой постановке, но Татьяна слепила свой образ настолько ярко, что расхожее выражение “не бывает маленьких ролей” здесь точно соответствовало истине.

На заднем плане искрился медовый месяц, молодые герой и героиня громко резвились и хохотали там, в барских покоях, на барских перинах, за ширмами. А Татьяна в цветастом сарафане и с важно поднятой головой, молча вышагивая вдоль портала по авансцене и неся на вытянутых руках, чтобы не расплескать, деревянное ведро, дойдя до середины сцены, поворачивалась к залу и сообщала, выдержав паузу:

– Помои... От господ!

Публика валилась из кресел от смеха.

* * *

Выпускник ГИТИСа Семён Напольный – одессит, закончил факультет актёров музыкальной комедии и поступил на работу в Одесский театр оперетты. Одновременно с ним я устроился в Одесский театр юного зрителя. Мы, есте-

ственно, дружили и встречались, иногда по институтской привычке совместно посещали какие-нибудь культурно-просветительские мероприятия и программы. Как-то в наших общих походах в Зелёный театр парка имени Т. Г. Шевченко на киносеансы я заподозрил неладное.

— Сень! А что ты меня всё на эту комедию — “На Ивана Васильевича” — убалтываешь? В чём тут дело? — на пятнадцатый или двадцатый раз после посещения очередного показа кинокомедии “Иван Васильевич меняет профессию” спросил я. — Она тебе так нравится? Тебе так нравится эта кинокартина?

Смутившись, Семён признался:

— Извини, конечно, Юр, но я хожу смотреть эту комедию исключительно затем, чтобы ещё раз увидеть, как ты смачно смеёшься!

Это был замечательный друг — Семён Напольный! Говорят, живёт он сейчас в Америке. Я же давно вернулся в Москву. А что делает Семён за океаном, когда у нас сегодня куда интереснее, чем в Америке?

ЮЛИЯ САНИНА

* * *

Татьяне Ивановне

*Усталая, а стало быть, довольная,
Ко мне вчера зашла на огонёк
Техническая служащая школьная,
В недавнем прошлом — тоже педагог.*

*До пенсии до самой — мама рóдная! —
В каком-то институте,
на краю
Ещё интеллигентной части Родины
Она работу делала свою.*

*Во дни зарплаты боязно поморщиться,
А пенсия нужна стране самой.
И ей открылся светлый путь — в уборщицы,
Чтобы по склону лет не шла с сумой.*

*Однажды как-то, встретившись с начальником
Из бывших институтских “главарей”,
Она, навстречу кинувшись отчаянно,
Скрыть не сумела радости своей.*

*Наполнившись взаимными расспросами
О буднях,
время быстро потекло,
И сбивчиво поведал бывший босс её,
Что и ему изрядно повезло:*

*Он во Дворце культуры служит
дворником
И купит, что поест, на Новый год.
Пенсионерским
колотый*

*топориком,
Песочком был притрушен гололёд,*

*Но искушённый глаз из осторожности
В работе рук ещё искал изъян...*

*Как символ Интеллекта и Надёжности,
Беседовали двое россиян.*

*Люблю тебя, духовную и статскую,
Страна моя!*

*Хвала тебе и честь:
Твой дворник, защитивший
кандидатскую,
Работает, покуда хочет есть.*

*Настанет срок — и лёд слоями плотными
Сползёт, как всё кончается вокруг.
И... баб с ломáми
сменят бабы с мётлами
И с корочками доктора наук.*

* * *

*Где жизненный итог — не разобрать:
Сложилось исторически, что лишь
Париж увидев, можно умирать.
Но ехать ли для этого в Париж?*

*Любые наши вина и сыры
Достойны их любого короля.
Роскошны подворотни и дворы,
Почти как Елисейские Поля.*

*Душевных ран в душе не утаишь,
Но внешние приходится терпеть.
Помойка наша — истинный Париж:
Её увидев, можно умереть.*

*Как их шансон, мне песенка моя
Мила, пусть и не слишком весела.
В Париже не была, по счастью, я,
А то бы на чужбине померла.*

г. Воронеж

АНАТОЛИЙ КУРАСОВ

ГВОЗДИ

*Люди — гвозди, власти — молотки,
Бьют по шляпкам в нужном направлении,
Слева, справа — было бы с руки,
Были бы послушны в управлении.*

*С левым креном — те, кто полевей.
С правым — кто всегда и всюду правые.
В доску забивай, с размаху бей,
Направляя головы упрямые!*

*Главное — не дать гвоздю упасть,
Искривиться не по направлению.*

*Ну, а что скреплять — то знает власть,
Применяя гвоздь по назначению.*

Е. ЕВТУШЕНКО

*Рядился он и под партийца,
Рядился он и под народ:
То в Думу ряженный явился,
То дал на Запад полный ход.
Он из Америки не слышит,
Предав Россию задарма,
Как в нищете живёт и дышит
Народ на станции Зима.*

Московская область

АЛЕКСАНДР КОКШИЛОВ

* * *

*Час не ровён, о, Русская земля,
В песок горюч уйдёт твоя основа:
В России только три богатыря,
И все они — с картины Васнецова.*

*Они ещё прочней любой стены,
Ещё в руках немеряная сила,
Но всё-таки, увы, утомлены,
И седина их головы побила.*

*Молодшему из них за сотню лет,
Куда старей-седей другие оба.
Проехали...
Я кланяюсь вослед,
За них переживаю до озноба.*

*Они ещё врагам внушают страх,
На них ещё надежда, как на Бога.
Но копится беда на рубежах —
Час не ровён...
И им нужна подмога.*

г. Волжский